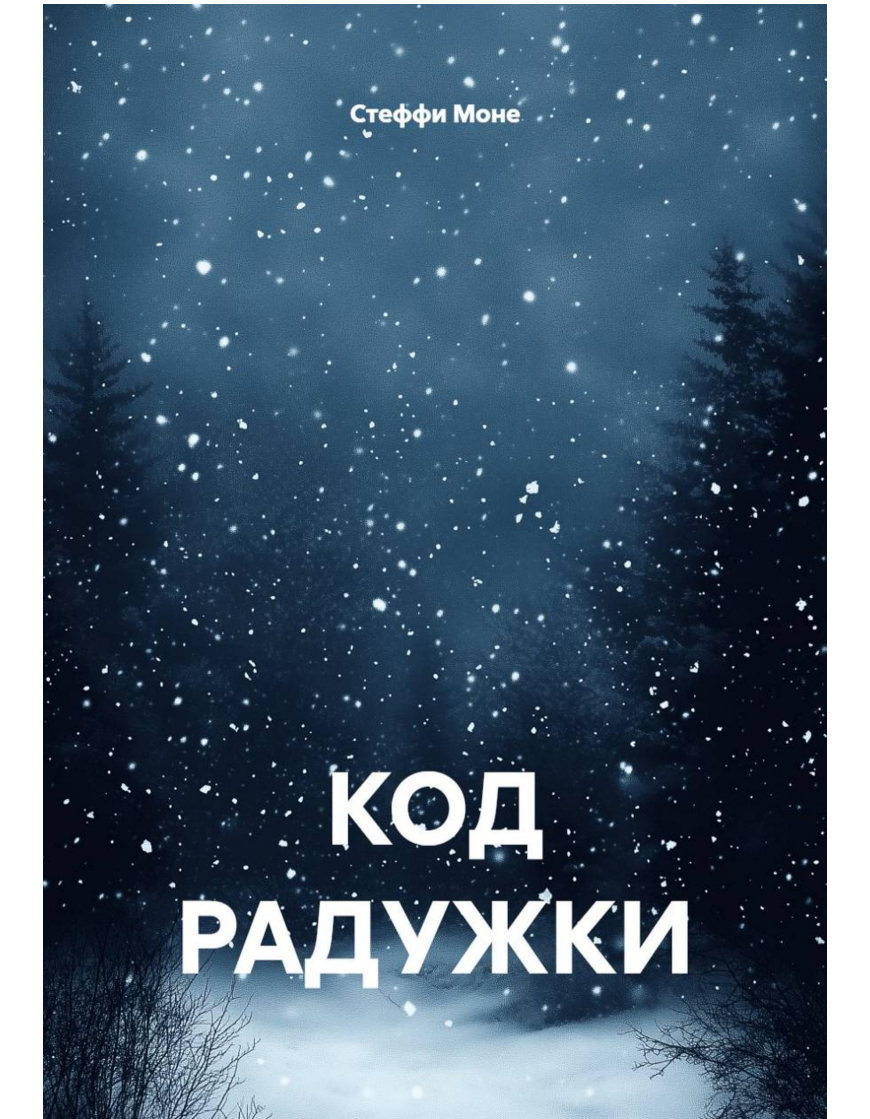

Стеффи Моне

КОД РАДУЖКИ

Стеффи Моне

КОД РАДУЖКИ

<https://litres.ru/74545809>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Код радужки» — космическое фэнтези, где магия — это цена каждого вдоха, а любовь — единственная сила, способная удержать ткань реальности.

Чёрные дыры, пожирающие миры.

Зеркала, показывающие сожжённые судьбы.

И финал, где спасение — не громкая победа, а тихий выбор быть рядом.

Для тех, кто любит истории, в которых эпичность не отменяет искренности.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Стеффи Моне

КОД РАДУЖКИ

Глава

Когда-то люди шептали, что глаза — зеркало души. Но разве могли мудрецы древности представить, что настанет эпоха, когда по одному лишь взгляду станут не просто читать судьбы, а перекраивать саму ткань мироздания? Что глаза станут ключом к исцелению, орудием власти и мерилom места в иерархии, куда более строгой, чем законы гравитации?

Время несло вперёд, разрывая оковы предрассудков, словно тонкую паутину. Человечество, покорившее полёт, научившееся исцелять плоть и перешагивать через пространство, сбросило с себя груз старых традиций — но тут же выковало новые цепи. И эти цепи были куда прочнее прежних, ибо сплетены они были не из слов, а из цвета радужки.

Мир раскололся на цветковые вселенные — на осколки некогда единого неба, каждый из которых жил по своим законам, дыша в такт невидимому барабану судьбы.

Низшая из них — «Врата рассвета». Здесь правили голубые глаза. Их носители были вестниками, хрупкими нитями, связывающими миры. Их взгляд был лёгок, как утренний туман.

ман, и так же быстро рассеивался. Они первыми улавливали знамения, ловили отголоски грядущих бурь, но удержать эти откровения в памяти не могли — их способности походили на восторг пятилетнего ребёнка: миг озарения, вспышка радости — и тишина. Они были почтальонами Вселенной, гонцами, глашатаями, скользящими по лабиринтам Млечного Пути. Их положение было устойчивым, но не почитаемым: к ним прислушивались, но не доверяли самое сокровенное.

Выше возносилось «Сердце леса», зелёное, как дыхание самой природы. Сюда устремлялись те, чьи глаза хранили оттенок листвы и глубины рек. Это были хранители равновесия, способные слышать шёпот ветра и стоны умирающих звёзд. Их сила заключалась не в грубой мощи, а в интуиции, в умении различать едва уловимые вибрации мироздания. Среди них выделялись ранги: травники — лекари природы, знающие язык корней и листьев; смотрители границ, следившие за пульсом планет и ведя летоисчисление миров; и советники, чьи пророчества порой меняли ход истории. Они берегли жизнь целых вселенных, но даже их мудрость не могла предотвратить надвигающуюся тьму.

«Оплот земли» — вот где царила твёрдость камня. Кареглазые были опорой общества, теми, кто удерживал порядок любой ценой. В их взгляде застыла память поколений, а в движениях читалась непреклонность горных хребтов. Старейшины, мастера и защитники — они не столько охраняли простой люд, сколько оберегали саму структуру мироздания.

Их наказания не обсуждались, их решения не оспаривались. Люди привыкли к их тяжёлому присутствию, научились обходить их стороной, словно острые скалы в бурном море. Но даже их суровая надёжность меркла перед иной силой.

Серые глаза принадлежали «Пеплу луны» — вселенной, сотканной из теней и недоговорённостей. Эти люди видели не то, что лежало на поверхности, а то, что пряталось в глубине сердец. Не успеешь моргнуть, как твой скрытый мотив уже разгадан, а отчёт о твоей благонадёжности ложится на стол суда. И тогда — прощай, прежний статус. Падение в «Чёрное сердце ада» было стремительным и беспощадным: там, где вечный голод пожирал души, а монстры, порождённые отчаянием, изредка прорывались в низшие миры, чтобы напомнить о хрупкости бытия. Сероглазые были инквизиторами нового порядка — судьями, следователями тайн, хранителями архивов, в которых пылились секреты целых цивилизаций. Они не чувствовали — они видели суть, пробираясь сквозь любые иллюзии.

Но вершиной этой пирамиды, её тёмным венцом, было «Безмолвие глубин». О нём говорили шёпотом, ибо даже мысль о нём казалась кощунственной. Носители чёрных, как бездонная пропасть, глаз обладали властью, перед которой меркли все остальные. Говорили, что один взгляд на них несёт мгновенную смерть — ибо человеческий разум не способен вместить ту бездну знаний и энергии, что таилась в их зрачках. Сосуды разума лопались, не выдерживая давления

вечности.

В «Безмолвии глубин» рождались лишь мужчины — те, кто ступал по запретным тропам и говорил с теньями. Их молчание было тяжелее любого крика, а положение — почётнее звёзд. Прорицатели, затворники-молитвенники и, наконец, Великий Страж Порога — о нём ходили лишь легенды, ибо видеть его было нельзя, а слышать — не дано. Тайна его оставалась за семью печатями, и лишь слухи шелестели по углам: жизнь его была вечна, но обречена на абсолютное одиночество. Когда-то пытались найти ему невесту, надеясь продолжить род, но каждая попытка оборачивалась трагедией. В конце концов даже сама мысль о продолжении рода была оставлена как тщетная и опасная.

Иногда, сидя в кругу подруг, мы шептались об этом — о Великом Страже, о его проклятой вечности и невозможности разделить её с кем-либо. Нам, девчонкам из «Врат рассвета», чьи голубые глаза не обещали ни власти, ни бессмертия, это казалось особенно грустным. Но жизнь не останавливалась даже на краю Вселенной.

Мы летели на край нашей голубой вселенной, туда, где раз в столетие сходились тысячи семей, чтобы подобрать для своих отпрысков необходимую ячейку общества. Здесь, среди голубых, соотношение мужчин и женщин хоть и колебалось веками, но оставалось достаточно сбалансированным, чтобы на этих сходках царила особая атмосфера — лёгкая, игривая, полная надежд. Здесь можно было забыть о стро-

гих иерархиях, о серых судьях и чёрных безднах, хотя бы на один вечер. И пусть наше положение было низким, а мечты — скромными, никто не мог отнять у нас эту маленькую радость: смех, шёпот секретов и ощущение, что, возможно, именно здесь, на краю света, рождается что-то новое — то, что однажды сможет изменить даже самую незыблемую иерархию.

✱

— А представляете... Именно на наше свидание слетятся стражники.

Ленка облизнула свои губы и уставилась в даль, такую же голубую, как её глаза. Она уже в своём воображении скромно опускала глаза и представлялась перед высоким и сильным кареглазым воином:

— Третья дочь известного почмейстера, несравненная Элен.

Могучий страж наклонялся к ней всё ближе, и от того она оттопыривала свои пухленькие губки и прикрывала глаза.

Старшая сестра весело ударила по губам кокетки и засмеялась. Надэ была совершенно несносна в своих проказах, однако это не мешало ей обзаводиться кучей поклонников, что днями и ночами толпились у дома. Их силуэты мерцали в голографических лентах городских камер, а алгоритмы службы безопасности уже вносили их в реестр «потенциально допустимых ухажёров» — но бабушка всё равно ворчала, что молодёжь нынче не та.

Воздушная повозка подпрыгнула, заставив сестёр взглянуть на прекрасную зелень земли. Ничего не нарушало спокойствия голубой планеты. Здесь всё сохранилось, как тысячу столетий назад: поля, полные колосьев, реки, кишасшие рыбой. С разницей лишь в том, что земледелием и продовольствием теперь занимались электронные дроны, да ещё их бабушка.

Сегодня настроение старухи было ужасным, впрочем, как всегда. Ещё с утра она бурчала, была недовольна всем: завтраком, который разогревался в квантовом термомодуле и всё равно казался «не таким», воздушными ямами, из-за которых автопилот повозки сбивался с маршрута, к тому же бережно охраняемый младенец занемог. Племени голубоглазых почмейстеров грозила опасность: если у малыша не спадёт жар, придётся вызывать полевого диагноста с орбитальной станции — а это дорого и подозрительно. С этими девочками не было сладу, ещё и у малыша жар.

— Бабаня... — заблеяла Надюха. — Так и не мучайся с нами. Всё будет так же, как и в тринадцать лет. Мы снова вернёмся ни с чем.

Старуха округлила глаза от возмущения, потом закатила их и зачмокала губами:

— Неужели и в этом году я никого не сплавлю из дома? Надэ — ты уже взрослая девица, а умудряешься каждый раз опрокидывать колесницу Бога во время перевозок. Элен, ты ешь, как не в себя, даже в сказках великаны обладали мень-

шим аппетитом. Ещё год — и нам придётся тебя возить в двух повозках, да ещё и активировать гравикомпенсаторы, чтоб не проседали на взлёте.

Сестры насупились и злобно посмотрели на меня. «Средненькая» — так они называли меня, ведь в моей жизни всё было по правилам. Вовремя полетела, вовремя начала работу, но всё у меня получалось с половинки на серединку.

К тому же у меня был страшный изъян — маленькая точечка в голубом глазе. Из-за этого мне не разрешали снимать прозрачную повязку с глаз. Обычно её надевали лишь для работы да на свиданиях голубых, чтобы переместить акцент на качества, а не на хрустальную силу летунов. Биометрические сканеры на воротах смотрин фиксировали малейшие отклонения в радужке — а точечка могла выдать мой секрет раньше времени.

Это не мешало мне работать на правительство, мечтать, заглядываясь на небо. Там, в глубине недр вселенной, были школы карих, академии серых, дворцы чёрных... Но всё было закрыто для простых смертных, для нижних голубых. Доставил почту и брысь к себе на Землю.

Конечно, я любила прохладу вод, чистый искрящийся воздух, нежные касания горячего песка. Но здесь женщина — это всего лишь инкубатор, возможность размножения. Генетический реестр нижних слоёв обновлялся раз в сезон, и каждая девочка с детства знала: её ценность измеряется не умом, а совместимостью с протоколами воспроизводства.

Сейчас бабушка бы сказала, что нам завидуют все радужки, ибо у них катастрофически не хватает женщин, а чёрный властелин вообще не может размножаться. И всё же я мечтала. Мечтала о вечности, об учении серых, о силе боя коричневых и даже о великих тайнах вселенной чёрных.

Таких размышлений не было у моих сестёр и знакомых. Им достаточно было выйти удачно замуж. А эти сходки гарантировали пришествие других радужек. Чаще всего бедные воины могли позариться на голубых женщин, тихонь из низшего мира. Серые тоже встречались, однако выбирали для себя скорее слуг или низших жён. А про чёрного властелина было запрещено даже думать — за упоминание его имени в публичном эфире можно было лишиться доступа к атмосферным коридорам и навсегда остаться на поверхности.

И всё же я думала... Как это — жить вечно, в бесконечном одиночестве и невероятной силе? Даже если ты всемогущ, кому рассказать о своих открытиях, у кого поплакаться на плече?

Всё же братишка разболелся, и нас, доставив на место свиданий, оставили в «свободном полёте». Такое счастье выпадало редко, оттого радость сестёр с трудом скрывала напускное горе расставания.

Меня бабушка поцеловала последней и тихонечко прошептала на ухо:

— Милая, Саша, если твоя тайна раскроется, нам не из-

бежать беды. Мы скрывали её сколько могли. Теперь твоя очередь помочь себе. Найди глупого мужа и стань звездой вселенной, но навсегда забудь о своих корнях, иначе ты погубишь нас.

Слеза старухи больно обожгла щёку. Я знала, что рано или поздно это случится, а мне уже четырнадцать. Это конец моей спокойной жизни и начало неизвестности. Такова моя судьба.

Я крепко обняла старуху, что заменила мне родителей. Ведь монстры никому не нужны. Таких любящих глаз смогу ли я увидеть во всей вселенной? Но не подвести своих спасителей я обязана.

— Всё будет хорошо. Даже лучше. Ты ещё услышишь обо мне...

Я крепко обняла старые косточки и сбросила украдкой слезу.

— В чёрную дыру всё. Возвращайся, внучка, когда захочешь... — проговорила бабушка и села в повозку.

Автоматические двери сомкнулись с мягким шипением, а на панели вспыхнул индикатор: «Маршрут подтверждён. Гравитационный коридор открыт». Мы дружно провожали улетающую сваху, а впереди нас ждала ненасытная свобода. В воздухе над полями замерцали сигнальные дроны — они отмечали границы разрешённой зоны для «свободного полёта». Но я знала: если захочу, смогу проскользнуть мимо их сканеров. Ведь точка в моём глазу — не просто изъян. Это

ключ.

*

Небо разверзлось, обнажая слои атмосферы как страницы старого атласа: нижний слой мерцал сеткой орбитальных датчиков, средний — гудел от трафика дронов; перехватчиков, а верхний переливался полярным сиянием, которое здесь давно научились модулировать для подавления несанкционированных полётов. Стремительный полёт дарил объятие ветра, шепот звёзд, прошитый помехами навигационных маяков. Каждый поворот этого невероятного пути ей был известен с детства — не по картам, а по шрамам на сетчатке, оставшимся от ночных тренировок в запретных зонах. Тело почти превратилось в комету, окутанную плазменным следом, который любой патруль считывал как метку нарушителя.

«Врата рассвета» остались далеко позади, там, в глуши леса, где кроны деревьев были прошиты оптоволоконными нитями для мониторинга биосигналов. В гостях у прекрасных зеленоглазых хранителей природы сестры готовились к прекрасному балу, к волшебным встречам, к чудесному замужеству и нескольким мелким отпрыскам. Их наряды уже были запрограммированы на идеальные улыбки и правильные позы, а браслеты; обручи тихо пульсировали, подтверждая статус и уровень доступа. Может, потому что Саше даже нельзя было мечтать об этом, хотелось взлететь всё выше, и она рисковала, растворяясь в сумраке атмосфер, где каждый ку-

бический метр воздуха был учтён и промаркирован.

Вот первое препятствие — «Оплот земли». Атмосфера чуть вздрогнула и подарила особую твёрдость камня: здесь гравитационные поля искусственно уплотняли пространство, превращая воздух в вязкую субстанцию, почти жидкость. Полёт здесь больше напоминал воды горной реки — продираться было довольно сложно, но невероятно чудесно: каждый взмах крыльев отдавался в груди вибрацией, будто сердце билось в унисон с пульсацией планеты. Кареглазые путники были опорой общества, теми, кто удерживал порядок любой ценой, и они попадались довольно часто. В их тяжёлом взгляде застыла непреклонность высших правил — а ещё микроскопические линзы, фиксировавшие малейшее отклонение траектории. Эти мастера и защитники — они не столько охраняли вселенную от нарушений порядка, сколько оберегали саму структуру мироздания, прошитую кодами и протоколами. Нередко Саша избегала наказаний за превышение скорости хитростью, превращая свои глаза в серые — маскируя биомаркеры под стандартный профиль «низшей касты». И хотя решения карих не оспаривались, «Пеплу луны», что считывали тайны сердец, прощалось всё. Защитники преклоняли головы и испарялись, разрешая полёт высшим — ведь даже алгоритмы признавали: есть силы, которые не поддаются классификации. Так всегда в этом мире — правила лишь для низших каст, остальные свободны. Знали об этом все, а вслух говорили лишь избранные или за кру-

жечкой горячего эля, да не за одной — в полутёмных тавернах, где стены были покрыты экранами, транслировавшими официальные сводки, и где каждый разговор сканировался на предмет «нестабильных настроений».

В «Пепле Луны» всё было чуть сложнее: приходилось укутываться в чёрный плащ непроницаемости, сотканный из метаматериалов, поглощающих тепловое и электромагнитное излучение. Иначе не успеешь моргнуть, как скрытый полёт уже разгадан, а отчёт о твоей благонадёжности лежит в суде — в виде аккуратного файла с пометкой «потенциально опасен». И тогда — прощай, свобода, добро пожаловать на экспериментальную станцию, где проводили непонятные эксперименты, которыми пугали детей, рассказывая небылицы и страшилки. А если тебя признавали опасностью вселенной, то падение в «Чёрное сердце ада» было стремительным и беспощадным — туда сбрасывали нарушителей через гравитационные колодцы, из которых не возвращались. Сюда Саша залетала редко, лишь окраины манили её своим чёрным сиянием — мерцанием квантовых аномалий, похожих на рваные звёзды. Но даже вхождение в эту зону дарило ощущение вечного голода: воздух здесь был разрежен, а пространство искажено так, что звуки становились тягучими, как смола. Пусть монстры, порождённые отчаянием, из низших миров, и не обращали на неё особого внимания, но их огромные пасти были внушительными — и в их тенях прятались не только чудовища, но и забытые протоколы, спо-

способные взломать систему. Она понимала, что в случае крайней нужды сможет здесь спрятаться, чтобы подумать о хрупкости бытия и избежать преследований. Сероглазые сегодня сновали туда;сюда — эти инквизиторы нового порядка снова пытались скрыть секреты Чёрных властителей за иллюзиями и миражами, проецируемыми голографическими генераторами.

Ей было смешно смотреть за этими потугами — может, это и диктовалось необходимостью их мира, и всё же было ужасно нечестно по отношению к «голубым» и «зелёным», хотя об этом Саша молчала, не нарушая счастье и покой своей приёмной семьи.

Пришлось приостановить движение, закрыть свой разум экранирующим импульсом и притаиться у летающей повозки, чтобы переждать патрули серых и карих. Что это сегодня случилось, что все в таком напряжении? Тишина внутри вагончика была недолгой, вдруг заговорил срывающийся голос — искажённый помехами, будто сигнал шёл через перегруженный ретранслятор:

— Владыка, мы почти смогли считать путь этого нарушителя. Его движения непостижимы для нас, но Ваше вмешательство необходимо, чтобы эти недоразумения разрушить. К сожалению, палата «серых» не может счесть его код, не в состоянии. Возможно, есть тайные силы, что подвластны лишь Вам, государь.

Тихий, низкий голос выливался почти шёпотом — и от

него вибрировали панели обшивки:

— Ты не чувствуешь чего-то странного рядом, будто за нами подслушивают?

Такую чувствительность Саша встречала первый раз — пришлось включить свой истинный свет, для полной непроницаемости: активировать поле квантовой запутанности, которое делало её невидимой для обычных сканеров.

Слуга снова зашептал:

— Вашей силе нет равных, но все мониторы молчат, а войско серых в полной боевой готовности. Его движение было замечено, сейчас он уже должен попасть в ловушку.

Низкий голос снова дрогнул и разорвал завесу тишины:

— Проверь нашу повозку.

Мгновенно тысячу серых обратили свой взор на летающий паланкин — их взгляды были не просто взглядами, а сканирующими лучами, способными видеть сквозь стены. Пришлось соскользнуть вниз. Иначе меня могли и заметить.

Этот серый владыка всё забудет. Саша нырнула в повозку и приставила мерцающий ноготь — на самом деле, миниатюрный плазменный резак, замаскированный под украшение — к горлу Великого.

— Ваше величество, — весело прошептала она, — мне придётся нагло воспользоваться вашей персоной.

Чёрная фигура не дрогнула, но и не испугалась.

— Ты знаешь, кто я. Ты рискуешь жизнью, нарушитель.

— Это вам стоит волноваться за свою жизнь, мой ноготь

кажется безопасным, лишь до того мгновения, как коснётся вашей кожи.

— Не смей...

Вот теперь Он дрогнул, но холодные объятия её пальцев уже сомкнулись на шее.

Владыка замер и обернулся. Чёрные дыры впились в её лицо, скрытое капюшоном — не метафора, а настоящие гравитационные сенсоры, способные считывать эмоции по микровибрациям голоса и пульса.

**

«Сердце леса» зеленело своей безмятежной листвой, но даже эта безмятежность теперь была рукотворной: кроны деревьев пульсировали мягким биолюминесцентным светом, а в воздухе витал едва уловимый запах озона — след работы микродронов, очищавших воздух от промышленных частиц. Это нежное дыхание самой природы встретило меня словно родную — и всё же я ловила себя на мысли, что даже здесь, в глубине чащи, мир стал слишком «откалиброванным», слишком предсказуемым. Сюда я устремлялась в надежде скрыться после неожиданной встречи.

Сестры уже всё обустроили в нашем временном гнёздышке — пещере, которую мои «голубые» превратили в хоромы с помощью адаптивных нанопанелей: стены мягко меняли оттенок в зависимости от настроения, а пол имитировал травяной покров, отдавая прохладой сквозь тонкую подошву ботинок. Я всегда восхищалась невероятными способностями

ми «голубых»: любую пещеру они могли превратить в пространство, где хочется остаться навсегда.

Надюша у зеркала наносила последние штрихи красоты, растушёвывая боевую раскраску — не просто пигмент, а умный гель, способный менять плотность и оттенок по мысленной команде. Лена же судорожно подбирала ленточки для глаз — тонкие полоски из светопоглощающей ткани, которые не просто скрывали цвет радужки, но и гасили слабые биосигналы, мешая сканерам считывать уровень стресса или лжи. Как прекрасен был этот обычай — скрывать свой цвет под прозрачной полоской ткани. Ты влюбляешься в человека, в его формы, умение общаться и оболящать, а потом уже всё остальное... Именно поэтому любили затеряться здесь все цвета радужки и их оттенки. Эта таинственность, почти маскарадность, разрешала не быть собой, а стать обороткой или фантазией — пусть даже на один вечер.

Не успели мы войти в лес встреч, как к нам стали цепляться навязчивые типы, которых всегда было много у ворот праздника. Их взгляды скользили по нашим лентам, пытались угадать касту, а датчики на запястьях тихо пиликали, сверяя профили с базой «допустимых знакомств». Они не хотели честной игры: поговаривали, что недостойные, те, кто уже плохо зарекомендовал себя в свете, способны даже на обман или похищение невест — особенно если система распознавания лиц временно «слепла» из-за перегруза трафика.

И я была уже готова применить силу, даже навредив сво-

ей маскировке, когда группа женихов Леса выплыла на поляну. Их силуэты мерцали в такт ритму невидимых генераторов поля, создавая эффект лёгкого размытия — будто они существовали на грани реальности. Спасение было фееричным, а стать и повадки молодых хищников сразили сестрёнок. Они были очарованы спасителями и почти сдались на их милость. Меня немного удивляло это неуклюжее умение отдаться сразу любви, броситься в её объятия, не ожидая взаимности или какой-то отдачи. Просто «хочу любить» — и всё... Всё остальное потом или никогда... Нет! Не для меня.

Я наблюдала, как главный спаситель нежно приобнял Надю за талию, а она жеманно выпятила нижнюю губку, как Ленка липнет к красавчику справа, а он... Он не сводил своих глаз с меня.

Стоп... Идёт в мою сторону.

— Прекрасная незнакомка, вы тоже на выборы невест?

«Прекрасная»? Я оглядела свой мальчишеский наряд, наспех накинутае браслеты — они помогали скрывать мою тайну, приглушая тепловой след и искажая отпечаток походки в базах данных. Вот это вкус у мальчишки. Да, он — извращенец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.